

УДК 177.7

Идея жертвенности в религиозном и социальном подвижничестве (сравнительный анализ)

А. В. Миронов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Рассматривается соотношение религиозного и социального подвижничества через понимание жертвенности. Приводятся основные положения данных феноменов. Сравнительный анализ религиозного и социального подходов в понимании духовной помощи выделяет черты несовпадения позиций по целевой направленности, способам их реализации, приложению усилий. Особый акцент делается на исследовании явления интеллигентского подвижничества в России. Исследуется коммуникативная составляющая социального взаимодействия в данных видах деятельности, ориентированных на всеобщее благо.

Ключевые слова: подвижничество, жертвенность, нетерпимость, вечное, милосердие, социальная помощь, благотворительность.

Отношения религиозных и светских ценностей в современном обществе представляют актуальную проблему для понимания основных тенденций развития общественной системы. В этом диапазоне концентрируются основные исторические традиции, структурные социальные изменения, представления человека о своем предназначении. Способность индивида к восприятию другого как значимой ценности инициирует потребность в действенном общественном участии. Формой реализации становятся волонтерские организации, гражданские инициативы, добровольческие объединения, направленные на оказание помощи нуждающимся. Феномен подвижничества, появившийся в христианской церкви, получил в России продолжение в виде социальных и политических движений, принимающих присущую ему идею жертвенности за основу мотивации поступков, ориентированных на социальное реформирование, преобразование условий жизни большинства населения. Сравнительный анализ религиозного и социального подвижничества позволяет установить как принципиальные различия, так и сходные стимулы в общезначимой деятельности. Интерпретация мировоззренческой составляющей данного явления дает основания прогнозировать его перспективу в современных условиях.

В христианской церкви феномен подвижничества возникает в самом начале ее истории. Столкновение нового религиозного учения с идеологией Римской империи формирует особый стиль жизни человека, принявшего его положения за непререкаемую истину. Новая вера требовала проявления смирения, жертвенности, духовного мужества. Подобное воспринималось как испытание готовности принять страдания за свои убеждения. Служение Высше-

му видоизменяло шкалу ценностей: земное уступало сверхъестественному, восприятие общепринятого утрачивало свое значение, так как акцент переносился в иную сферу, связанную с вечным. Вера диктовала новые модификации поведенческих стереотипов, отличающиеся по содержанию, направленности, целевому приложению. Парадоксальность, а в некоторых случаях абсурдность, с обыденной точки зрения, поступков, образа жизни тех, кто выбрал свой путь служения Богу, связанный с физическими лишениями, сознательным уединением, отказом от родственного круга, потерей материального состояния и социального статуса, становится точкой отчета в понимании религиозного подвижничества.

В первоначальный период христианской истории члены общины подвергались насилию, оскорблениям, ограничениям в правах, принудительной изоляции. Выполнение обрядов и богослужений грозило суровым наказанием со стороны государства. Физические лишения, эмоциональные переживания за близких, невозможность профессиональной и социальной реализации составляли неотъемлемую часть жизни тех, кто проникся новой верой. Страдания противопоставлялись удовольствиям, воздержание – роскоши, покорность – властвованию. Инстинктивная природа человека объявлялась причиной аморальной жизни, так как эгоизм мотивировал стремления властвовать, соперничать, конкурировать. Социальная сфера создает условия формирования тщеславия, честолюбия, алчности, т. е. направляет человека к достижению земных благ. Следование христианским заповедям предполагало кардинальные нравственные изменения. Требуемые правилами ограничения плотской сущности, участие в совместных обрядах не соответствовали ощущению милости, щедрости, прощению, проявляемых Создателем по отношению к грешному человеческому роду. Добровольно выбираемая форма жертвенности должна была компенсировать пороки мира и человека.

«Известно, что еще в III в. явились в христианской церкви подвижники – отшельники, которые угождали Богу и достигали нравственного усовершенствования необыкновенными подвигами христианского самоотвержения, отрешившись от всего земного, вдали от людей, в самом строгом уединении и безмолвии» [5, с. 7]. Высшая цель подвижничества – самоотдача во имя Высшего. Общепринятые установки поведения в церковной общине, включающие ценности внешнего благочестия, обязательного милосердия, со временем формализуются и становятся частью повседневности. Эмоциональное переживание, напряжение, воодушевление, стимулируемые постижением новых ракурсов мира через открытие сверхъестественного пласта бытия, вытесняются социальной благопристойностью. Происходит латентный конфликт между идеей и ее воплощением. Выбор особого пути служения не связан с желанием славы, тщеславными помыслами, его определяет любовь к Богу, чувство ответственности за христианский мир, ощущение собственного предназначения.

Принимаемые страдания и лишения укладываются в иррациональное понимание смысла человеческой жизни. Воспринимая другого как существо духовно слабое (но при этом не допуская превосходства над ним), которому не открылась подлинная истина, находящемуся в кругу иллюзий материального мира, подвижник берет на себя заботу о спасении его души. Его усилия, вы-

ражающиеся в беспрестанной молитве, посте, ношении вериг и власяницы, удалении от мирского существования, направлены как к собственному очищению, так и помощи для всех христиан. «...Исход в пустыню совершался не ради далекого и абстрактного Бога, но ради Бога, воплощенного во Христе, ради замысла, лучше всего отвечающего на ту безмерную любовь, которую засвидетельствовал сам Бог, послав своего Сына, ставшего, как и мы человеком, пострадать и умереть ради нашего спасения» [6, с. 23]. Пропорциональность Божественной жертвы и человеческой жертвенности, приносимой подвижником, несопоставима. Взятые на себя тяжелые обязательства обретают смысл в виде духовного содействия нуждающимся, и, таким образом, жертвенность трансформируется в богоугодное дело по спасению человека, созданного «по образу и подобию Божьему».

Отказ от коммуникации, родственных и дружеских связей, разрыв с общностью, к которой ранее принадлежал подвижник, стали основанием качественно нового пути к Богу и выполнения своей миссии. Пустынники, странники, молчальники удалялись от социума, так как считали его причиной негативной деформации человеческой природы. Уединение становилось средством духовной концентрации, где не было отвлекающих обстоятельств от выполнения своего долга. Самосовершенствование (довольствование малым в пище и одежде, уклонение от пустых разговоров и развлечений, терпимость и милосердие к страждущим), представляемое подвижниками, являлось примером возможностей человека в противостоянии с соблазнами и искушениями. Жертвенность приобретала характер преданий, способствующих усилиям обыкновенного человека бороться с собственными пороками. Наставничество, мудрое руководство со стороны ушедших от мирской суеты устанавливали сферы воздействия, в которых критерием служило желание угодить Богу, а не общественному мнению. «...Всякий, кто хочет стать совершенным христианином, должен умертвить себя для злых дел мира, какими он занимался прежде и, как шкуру с шерстью, совлечь снаружи этот мир, совершенно выйдя из него и окончательно от него отрешившись» [4, с. 44].

Временной компонент восприятия мира подвижниками существенно отличается от принятого социального измерения. Вектор вечности определяет характер служения. Выгода и житейская польза не встраиваются в этот контекст. Ценность религиозной жертвенности в такой ситуации предстает как самодостаточное основание, не нуждающееся в иных предпосылках. Очищение собственной души и тела от греховных пороков может рассматриваться как подготовка к чему-то большему, чем человеческий суд. Смысловые точки пересечения с социальными перспективами у подвижника исключены в силу иного восприятия будущего. Он не ожидает наград и почестей в этом мире, его устремления не соответствуют общественным стереотипам, и временная составляющая имеет специфическое содержание. Социальные проекты преобразования общества носят проходящий характер, зависят от конкретных людей, политической конъюнктуры, экономических условий и не способны конкурировать с идеей вечной жизни.

«Монашество есть прежде всего социальное движение и опыт решения социального вопроса... Аскетическое отречение не есть только “воздержание”

или отказ от житейских преимуществ или излишеств, не есть какой-то сверх-должный подвиг. Это есть отречение от мира вообще и от всего в мире. И прежде всего – от мирского строя и социальных связей» [9, с. 487]. Вхождение в справедливо устроенное коллективное существование в лице монашеской общины происходит в результате обмена земных радостей на подлинную духовную жизнь, сопряженную с подчинением, бескорытием, постоянными трудами. Критерии поступков отличаются от принятых в социальной среде: от послушника, в последующем – монаха, ожидается выполнение правил, соответствующих лучшим образцам богоугодного служения. Добровольность выбора декларирует совпадение внутреннего посыла с внешними проявлениями. Религиозная жертвенность трансформируется в опосредованную социальную деятельность в виде монашеских приютов, содержания богаделен, монастырских школ. Мотивация действий качественно отличается в своих целях от общественных установок: подаваемая помощь есть модификация христианских принципов, в сущности своей она преподносится как дар Божий, монашествующий выступает исполнителем его воли. Таким образом, подвижники в оценке социально значимой деятельности соотносятся с иными критериями, чем те, которые приняты в обществе.

В тексте «Четьи-Минеи», вобравшим описания жизни святых, чтимых Русской православной церковью, приводятся примеры военного и общественного служения, осуществленные позднее канонизированными государственными деятелями. Святой мученик Михаил, князь Черниговский, Святой благоверный князь Александр Невский, Святой преподобный благоверный князь Даниил Московский – все почитаемы за подвиги, связанные с борьбой за независимость, и как пострадавшие за веру. Социальные добродетели – свобода, патриотизм, мужество, справедливость – интерпретируются церковью только в совокупности с духовной компонентой. Общепризнанный эффект действий выступает как следствие христианской направленности их поступков. Страдания, принятые муки воспринимаются как необходимость принесения жертвы через отстаивание права народа на свою веру перед угрозой немецкого католицизма или монгольского язычества. Мирская слава по своей сути уступает религиозной самоотверженности, желание послужить соотечественникам напрямую связано с конфессиональной идентификацией. «Я не боюсь той смерти, через которую могу удостоиться вечного пребывания с Богом. И для чего нам многое говорить? Я – христианин, исповедую Творца неба и земли, твердо в Него верую и с радостью умру за него» [8, с. 257].

Соотношение религиозных и светских ценностей во многом зависит от экономических, политических, социальных процессов, происходящих в общественной системе. Во время социальной стабилизации влияние государства на общезначимые процессы возрастает. Общественное мнение открывает новые социальные сферы, где деятельность индивида сможет принести ощутимую пользу для всех граждан (благотворительность, медицина, образование, наука, политика). При этом аспект жертвенности остается неотъемлемой частью профессиональных занятий в той части, в которой осуществляется бескорыстная помощь нуждающимся. Происходит подмена смыслов в религиозной и социальной деятельности: вечность – прогресс, спасение – польза, смирение –

реформаторство. В Западной Европе эта тенденция проявляется более отчетливо, предназначение человека видится в использовании данных ему возможностей для улучшения качества жизни через всеобщее просвещение, принятие справедливых законов, оказание медицинской помощи. Врачебная миссия А. Швейцера в Западной Африке является ярким тому примером. «Благоговение перед жизнью», независимо от расовых предрассудков, служит основанием гуманистической деятельности, направленной на предотвращение эпидемий, лечение тяжелых заболеваний, и мотивирует преодоление физических испытаний. Социальное подвижничество в России сохранило в латентной форме идею жертвенности, принятую в Православной церкви, но при этом наполнилось политическим содержанием.

Общественные изменения, происходящие во второй половине XIX в. в России, сформировали социальную позицию русской интеллигенции, в которой центральное место занимало служение народу. Чувство вины перед ним, возникшее как следствие использования рабского труда во времена крепостного права, обосновывало новый поведенческий кодекс, включавший в себя требование передачи знаний (как считалось, несправедливо приобретенных за счет эксплуатации крестьянства), навыков, направленных на улучшение условий существования. «Хождение в народ» можно считать формой социального подвижничества, содержащее черты общественного протеста против невежества, безграмотности, эпидемий, административного произвола, совпадающее со стремлением к позитивному реформированию народной жизни по западным прогрессивным стандартам. Взаимодействие с иной культурной средой, отказ от привычной коммуникации и комфорта декларировались в качестве обязанностей передового гражданина, а переживаемые трудности – как оправданная жертва.

В христианском подвижничестве главной идеей является служение Богу через служение людям, социальная версия обожествляет человека (народ становится основным объектом преклонения и приложения своих сил). Выражением этих взглядов становится русская литература XIX в., принимающая на себя функцию воспитания, трансляции новых ценностных ориентиров, гражданских наставлений. Писатель выступает в качестве духовного наставника, обладающего правом направлять, поучать, требовать. Именно литература создает идейные стереотипы жертвенности. «Мечтая об уездном городе – он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае, не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да и временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь именно для этого я учился на медицинском факультете...» [1, с. 16]. Личное должно уступать общественной пользе, ограничение эгоизма мотивируется высшим предназначением просвещенного человека – изменять мир к лучшему. Карьерные соображения, родственные и семейные привязанности, материальное благополучие объявляются признаком мещанства (в уничижительном смысле) и противопоставляются социальному альтруизму. Осуществление национальных и экономических интересов государства не включается в сферу жертвенной деятельности по политическим мотивам. Статская и военная служба и связанные с ней лишения не могут претендовать на статус по-

движничества, они выводятся за границы деятельности передового гражданина, так как направлены на закрепление эксплуатации народных масс (непрекаемая точка зрения в интеллигентском сознании).

Жертвенность в конце XIX – начале XX в. ассоциируется с политической борьбой, целью которой является освобождение поработанных слоев общества. Тюрьма, каторга, ссылка преподносятся в интеллигентской среде как места, достойные почитания, а находящиеся там за свои убеждения вызывают преклонение. Участие в революционном терроре считается высшей формой самопожертвования. Принимаемые страдания оправданы светлым будущим, когда будут побеждены бесправие, нищета, невежество. Осознанное чувство опасности возвышает революционера в собственных глазах, отдаляет от обыденного и формирует особый подход к базовым понятиям существования. Мир делится на «своих» и «чужих», ради первых можно претерпевать страдания и трудности, вторые недостойны жалости и сочувствия. «Он не раз слышал, что только социалисты – честные люди и что уважающий себя человек в России не может не быть революционером... и, не зная ни партии, ни социализма, ни революции, не отдавая себе отчета, что такое террор, и даже не задумываясь над этим, он вдохновенно, по-юношески, решил, что обязан служить народу» [7, с. 53]. Идея революционного мученичества пронизывает определенную часть общества, подменяя стремление к постоянному труду, лишенному романтического пафоса. Подвижническая деятельность, направленная на борьбу с голодом, эпидемиями, неграмотностью, уступала в оценках общественного мнения, по своей значимости, политическим мероприятиям (особенно террору), тем самым формируя чувство моральной исключительности и, как следствие, – тщеславие, честолюбие, властолюбие. Мифологизация конкретных революционных личностей, их поступков формировала особый пласт легенд, наполненных примерами мужества, стойкости, героизма в борьбе с властью, и выступала аналогом Преданий святоотеческой литературы для тех, кто решил посвятить себя освобождению народа.

Но стоит отметить, что в данном случае речь идет о спасении конкретных социальных групп (пролетариев и крестьян), а не всего народа (как у православных подвижников). Примечательно, что и нравственные требования к моральному облику революционера во многом совпадают с христианскими добродетелями: бескорыстие, аскетизм, целомудрие, самосовершенствование. «Катехизис революционера», написанный С. Нечаевым, требовал от человека, решившегося посвятить себя революционной борьбе, максимума ограничений в проявлении чувств и привязанностей, что можно сравнить с монашескими обетами и образом жизни, свойственным схимникам. Божественный смысл подменяется партийной идеологией с правом диктовать догматические истины, обязательные к их исполнению на практике. Революционные лидеры выступают как пророки, способные предвосхитить будущее. Послушание партийной дисциплине, выполнение требуемых решений являются условиями построения светлого будущего. Фундаментальной посылкой революционной жертвенности становится народ, представляющий абстрактную схему в силу того обстоятельства, что большинство представителей русской интеллигенции существовали с ним в параллельных измерениях. «Чтобы легче было любить

мужика, его вообразили существом исключительной духовной красоты, украсили венцом невинного мученика, нимбом святого... его физические муки выше тех моральных мук, которыми жуткая русская действительность щедро наградила лучших людей страны» [3, с. 44]. В отличие от религиозного подвижничества политическая деятельность, выступающая с благородными идеями всеобщего счастья, включает черты социального антагонизма, мстительности, нетерпимости и при этом зависит от постоянно меняющейся конъюнктуры.

Политическая жертвенность предполагает восхищение, восторг, почитание, ее носитель претендует на статус «героя». Внутреннее смирение, непрестанный духовный труд, стремление помочь в разрешении повседневных насущных вопросов отличают отношения религиозного подвижничества. Земские реформы в России сформировали условия для появления большой группы энтузиастов, готовых реализовать свои знания в сферах народного образования и медицины, но, к сожалению, политическая составляющая превалировала в данной тенденции. Эволюционная поступательность развития общества уступала «революционному натиску» в попытках реформирования основ существования большинства населения, тем самым обесценивала жертвенный порыв облегчить страдания и улучшить условия жизни людей. «Если для героизма характерны вспышки, искания великих деяний, то здесь (в христианском подвижничестве. – *А. М.*), напротив, нормой, скорее, является ровность течения, “мерность”, выдержка, неослабная самодисциплина, терпение, выносливость. Верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста, отвержение себя, с предоставлением всего остального Промыслу – вот черты истинного подвижничества» [2, с. 151].

При общей цели – содействии человеку в преодолении жизненных трудностей – религиозное и социальное подвижничество принципиально различаются в понимании кардинального вопроса о жертвенности и ее направленности. Религиозная интерпретация подвижничества и его компонентов опирается на положение о несоизмеримости земного и вечного истолкования жизни, ценностей, потребностей человека. Спасение души становится основным приоритетом приносимой жертвы, независимо от материальной, социальной, национальной принадлежности и целиком ориентировано на служение Высшему, Вечному, не претерпевающему изменений. Жертвенность в социальном подвижничестве во многом связана с политическими обстоятельствами, общественными условиями и допускает потенциальное противостояние в социальной системе в тех случаях, когда вносятся социальные ограничения на оказание помощи. Разделение государственных и общественных интересов становится причиной конфликта в социуме. Социальная жертвенность, лишённая гуманистического характера, может претендовать на особый подход в оценке моральных поступков и, тем самым, становится разъединяющим началом, утрачивая свою первоначальную бескорыстную направленность. Исторический опыт, полученный в русском православии, вмещающий объединение религиозного и социального подвижничества, нуждается в популяризации, так как в этом случае идея жертвенности получает свое позитивное обоснование.

Список литературы

1. Булгаков М. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / М. Булгаков. – М. : Антиква, 1991. – 212 с.
2. Булгаков С. Героизм и подвижничество / С. Булгаков. – М. : Рус. кн., 1992. – 326 с.
3. Горький М. Жизнь Клим Самгина / М. Горький. – М. : Правда, 1988. – Т. 1. – 572 с.
4. Кронштадский И. Христианская философия / И. Кронштадский. – М. : Изд. отд. Моск. патриархата, 1992. – 212 с.
5. Подвижники благочестия Синайской горы. – М. : Паломник, 1994. – 220 с.
6. Ренье Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV в. / Л. Ренье ; пер. с фр., вст. ст., посл., комм. А. А. Войтенко. – М. : Мол. Гвардия, Палимпсест, 2008. – 334 с.
7. Ропшин В. (Савинков Б.) То, чего не было / В. Ропшин. – М. : Рус. кн., 1992. – 526 с.
8. Четьи-Минеи. Святые русского православия X–XV вв. – М. : Эксмо, 2004. – 480 с.
9. Флоровский Г. Восточные отцы церкви / Г. Флоровский. – М. : АСТ, 2005. – 637 с.

The Idea of Sacrifice in Religious and Social Asceticism (Comparative Analysis)

A. V. Mironov

Sevastopol State University, Sevastopol

Abstract. The relation between religious and social asceticism through self-sacrifice concept is considered. Principal provisions of these phenomena are given. A comparative analysis of religious and social approaches to the understanding of spiritual care highlights some aspects of divergence of ideas on the goals and methods of their implementation and strives. Special emphasis is placed on the study of intellectual asceticism in Russia. A communicative component of social interaction in these types of activities oriented to the common good is examined.

Keywords: asceticism, self-sacrifice, intolerance, eternal, mercy, social aid, charity.

Миронов Андрей Владимирович
доктор философских наук, профессор,
кафедра исторических, философских и
социальных наук
Севастопольский государственный
университет
299053 г. Севастополь,
ул. Университетская, 33
тел.: 8(8692)435158
e-mail: andreyvmironov@gmail.com

Mironov Andrey Vladimirovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Historical, Philosophical and
Social Sciences
Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, 299053
tel.: 8(8692)435158
e-mail: andreyvmironov@gmail.com